

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

А.Д. Некипелов

*академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ
им. М.В. Ломоносова*

«НОВЫЙ ПРАГМАТИЗМ» ПРОФЕССОРА Г. КОЛОДКО: АЛЬТЕРНАТИВА ИЛИ ДОПОЛНЕНИЕ ЧИСТОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ?¹

Аннотация. Статья посвящена поиску ответа на следующий вопрос: является ли концепция «нового прагматизма» проф. Г. Колодко альтернативой или дополнением общей экономической теории? Позиция автора – позитивный потенциал «нового прагматизма» состоит в его практической полезности для анализа на междисциплинарной основе конкретных ситуаций, складывающихся как в отдельных национальных экономиках, так и в мировом хозяйстве. Однако эта концепция не может заменить общую экономическую теорию, более того, эффективной она может быть только в том случае, если опирается на базовые положения этой теории.

Ключевые слова: кризис общей экономической теории, микроэкономика, макроэкономика, гетеродоксия, методология.

Классификация JEL: A11, A12, B21, B22, B59.

1. Вызовы современного мира

Научно-технический прогресс коренным образом изменил и продолжает менять жизнь человеческого сообщества. Еще каких-то тридцать–сорок лет назад люди и представить не могли, как изменится их жизнь в результате «цифровой революции», взрывного развития информационно-коммуникационных технологий. Завораживающие перспективы открылись в связи с ускоряющимся проникновением человечества в тайны микробиологических и когнитивных процессов, закономерностей материи на наноуровне.

Благодаря неуклонному прогрессу в фундаментальных и прикладных исследованиях люди получают в свое распоряжение все более и более совершенные технологии, позволяющие в расширяющихся масштабах удовлетворять их материальные и духовные потребности.

Но хорошо известно и то, что увеличение интеллектуального могущества человечества не избавляет его от все новых и новых вызовов – как со стороны окружающего материального мира, так и его собственной организации как социума. Пожалуй, в самом общем виде все эти вызовы можно рассматривать как проявления одной большой проблемы – нетождественности процессов роста (в смысле неуклонного, хотя и неравномерного, увеличения имеющихся в распоряжении человечества материальных и духовных благ, знаний, технологий) и развития (в смысле прогрессирующего общественного благосостояния).

¹ Очерк опубликован на польском языке в сборнике: «Ekonomia Przyszlosci. Wokol nowego pragmatysmu Grzegorza Kolodko» / Redakcja naukowa Maciej Baltowski. Warszawa: PWN SA, 2016. Ss. 33–48. (Aleksandr Niekipielow. Nowy pragmatyzm Grzegorza W. Kolodki – alternatywa czy uzupelnienie czystej teorii ekonomii?)

Очевидно, что как эта «мегапроблема», так и ее «частные производные» имеют особое экономическое измерение.

В сфере взаимоотношений человека и природы конфликт между ростом и развитием проявляется в устойчивом обострении проблемы деградации окружающей среды в результате производственной деятельности людей. Хорошо известно, что усилия человечества по наращиванию производственной активности оказывают противоречивое воздействие на динамику его благосостояния. Непосредственный результат состоит в увеличении количества благ, служащих удовлетворению потребностей членов социума, и он, несомненно, подталкивает людей к наращиванию масштабов производства. В этом направлении действует также и рост человеческой популяции. Более отдаленный, но постепенно накапливаемый эффект расширяющейся эксплуатации природных ресурсов заключается в ухудшении качества среды обитания человека, что не может не сказываться отрицательно на его благосостоянии.

Многообразны проявления проблемы «рост vs развитие» и внутри самого социума. Общественные (в том числе экономические) институты не обеспечивают полного учета культурных ценностей в процессе взаимодействия людей, принадлежащих к различным группам населения. Эта сторона дела привлекает особенно пристальное внимание в связи с охватившим планету процессом глобализации. В более общем плане можно говорить о постоянных сбоях в процессах гармонизации интересов самых разных участников общественных взаимодействий – отдельных людей, различных социальных групп. Конечным результатом несовершенства социально-экономических институтов становятся многочисленные, подчас весьма острые, конфликты, нежелательное развитие социально-экономических процессов. В качестве примеров таких, вызывающих озабоченность, явлений можно привести глубокую дифференциацию уровней доходов людей, регионов, стран, их резко отличающиеся возможности доступа к достижениям современной цивилизации.

Многочисленные проблемы возникают и в связи с несовершенством самой организации экономической жизни современного общества – как в национальных рамках, так и в глобальном масштабе. Функционирование рыночного хозяйства, ставшего после крушения социалистической системы универсальной формой экономического устройства, сопровождается глубокими кризисами. При этом основным источником глобальных пертурбаций становятся проблемы, возникающие не столько в реальном, сколько в финансовом секторе экономики.

Проблема осложняется тем, что между различными вызовами, с которыми сегодня столкнулось человечество, существует сложная система прямых и обратных связей. Напряженность, нарастающая по линии «человек – природа», проецируется на систему социальных институтов, а последняя, в свою очередь, оказывает мощное воздействие на характер производственной активности человека, а следовательно, и на его взаимоотношения с природой. «Как размотать этот сложнейший клубок взаимосвязанных проблем?», «В состоянии ли современная экономическая наука помочь это сделать?» – вот вопросы, которые привлекают все большее и большее внимание как представителей общественных наук, так и реальных политиков.

2. «Гетеродоксный» ответ

Исторически сложившаяся экономическая наука включает в себя широкий круг дисциплин как фундаментального, так и прикладного характера. В этом отношении ее организация мало чем отличается от естественных наук.

Общая экономическая теория («экономикс») представлена двумя науками – микро- и макроэкономикой. Несмотря на наличие различных течений в рамках каждой из этих

дисциплин само их существование свидетельствует о признании того, что экономические отношения носят не случайный, а закономерный характер. Как и любая теория, микро- и макроэкономика нацелены на то, чтобы сформировать своего рода «интеллектуальный макет» изучаемого ими объекта. Эта модель, отражая основные взаимосвязи между различными элементами экономической системы, призвана раскрывать особенности ее функционирования и развития под влиянием внутренних и внешних импульсов.

Кроме микро- и макроэкономики к теоретическим относятся и дисциплины иного рода. Их задачей является создание инструментария, позволяющего исследователю конкретных хозяйственных процессов эффективно осуществлять сбор и обработку фактических данных. Такими дисциплинами являются экономическая статистика и эконометрика.

Прикладные экономические исследования, в свою очередь, направлены на выявление и оценку процессов, протекающих в реальных экономических системах – странах, регионах, отраслях и т.п. Такие исследования, с одной стороны, опираются на выводы экономической теории (и в этом смысле она составляет их методологическое основание) и используют разработанный в ее рамках инструментарий, а с другой – позволяют подтвердить или отвергнуть их.

Сегодня весьма распространенным становится мнение, что построенная таким образом экономическая наука не позволяет сформулировать ясные ответы на вызовы, с которыми столкнулось человечество в своей хозяйственной деятельности. В качестве наиболее убедительных свидетельств кризиса современной экономической науки рассматриваются, с одной стороны, ее очевидные провалы в предсказании важных экономических событий, а с другой – неоднократно проявлявшаяся неэффективность многих рекомендаций, предлагавшихся от ее имени. Самым ярким примером первого рода стал грандиозный мировой финансово-экономический кризис 2007–2009 гг., по иронии судьбы разразившийся вскоре после того, как представители «мэйнстрима» уверились в том, что проблема предотвращения депрессий ими решена (Lucas, 2003). Примеров второго рода более чем достаточно. Ограничусь упоминанием о теперь уже общепризнанной неэффективности мероприятий, известных под названием «Вашингтонский консенсус», усиленно навязывавшихся постсоциалистическим государствам.

Такого рода провалы современной экономической науки могут рассматриваться как очевидные симптомы ее кризиса. Задача исследователей, однако, не сводится к простой констатации существующих проблем. Следующий, более сложный этап заключается в том, чтобы выявить природу кризиса, его глубинные основы. Концепция «нового прагматизма» проф. Г. Колодко представляется одним из примеров так называемого «гетеродоксного» (неортодоксального) подхода в экономической науке, методологические основы которого и являются предметом рассмотрения в данном разделе.

Представители этого направления подвергают сомнению оправданность самой попытки построить экономическую теорию по образу и подобию теоретических естественно-научных дисциплин, а именно – на аксиоматической основе, с опорой на логические умозаключения и с широким применением математического аппарата². Соответственно,

² Сомнения такого рода высказывались и ранее. Известный британский экономист первой половины XX в. А. Пигу допускал существование «чистой экономической теории», но относился к ней весьма иронично. Он писал, что «...чистая экономическая теория должна изучать равновесие и его нарушения среди групп лиц, деятельность которых вызвана любым множеством мотивов. В ее рамки наряду с многочисленными другими подразделами попадут и политическая экономия Адама Смита, в которой придается значение мотивам, приписываемым экономическому – или нормальному – человеку, и несмитовская политическая экономия, соответствующая геометрии Лобачевского, которая состоит из трудолюбия и ненависти к доходам». Но, несомненно, все его симпатии были на стороне «реалистической экономической науки»: «Противоположное положение этой чистой науке занимает реалистическая экономика, чей интерес сосредоточен на мире, известном из опыта, и ни в коей мере не простирается до изучения коммерческих деяний общины ангелов» (Pigou, 1932. Pp. 5–6).

объектом критики становится и заведомая упрощенность тех предположений (аксиом) в отношении особенностей человеческого поведения, на которые опирается «экономикс». Среди них – теоретические конструкции, используемые современной экономической теорией для характеристики как индивидуального поведения³, так и социального целеполагания⁴. В связи с этим внимание привлекается к тому факту, что в обществе действуют надежные сознанием и обладающие собственными интересами агенты, чьи представления о действительности могут непосредственно влиять на нее⁵. Одним из результатов такого положения дел является изменчивость хозяйственной среды, приводящая к быстрому устареванию любых ее претендующих на завершенность моделей⁶. Наконец, подчеркивается ошибочность игнорирования неэкономических факторов хозяйственного развития, в особенности культурного и политического характера⁷.

Еще в 1998 г. академик В. Полтерович (*Полтерович*, 1998) пришел к выводу, что кризис экономической науки связан с невыполнимостью поставленной перед ней задачи стать «точной» наукой, подобной теоретической механике или химии. Близка к этой точке зрения позиция проф. Г. Колодко, который отмечает, что в системе наук экономическая теория занимает место между «твердой», точной математикой и «мягкой», абстрактной философией⁸.

³ Так, проф. Г. Колодко пишет: «Три фундаментальных допущения [ортодоксальной] экономической теории – это сильные упрощения. Иными словами, они более выражают пожелания экономистов, чем реальность. Эти три фундаментальные посылки являются следующими:

- ▶ стремление к максимизации богатства являются движущей силой экономики;
- ▶ решения принимаются на основе рационального выбора;
- ▶ вера в то, что рыночные механизмы гарантируют эффективность управления» («Three of the fundamental assumptions of [orthodox] economics are oversimplifications. To put it another way, they are more expressive of our wishes, as economists, than of reality. These three fundamentals are:
 - the paradigm of the maximization of wealth as the driving force of the economy;
 - the statement that rationality is the basis for making economic decisions;
 - the belief that the market, with its mechanisms, is in itself a guarantee of effective governance» (*Kolodko*, 2011. P. 72)).

⁴ Это проявляется, в частности, в критике одномерного подхода современной макроэкономики к проблеме экономического прогресса и его отождествления с ростом ВВП. Между тем, «категория ВВП, по-видимому, игнорирует такие элементарные вопросы, как степень дифференциации, досуг, условия окружающей среды, степень довольства собой отдельного человека, которые будут приниматься в расчет при развитии экономики в будущем» («the GDP category overlooks such elementary issues as distribution ratios, leisure time, the condition of the natural environment, and subjective sense of satisfaction, which should all be taken into account by development economics in the future» (*Kolodko*, 2014. P. 33)).

⁵ «...Выводы из экономических теорий довольно быстро становятся достоянием массы экономических агентов и влияют на формирование ожиданий. Стоит исследователям что-то узнать о закономерностях функционирования фондового рынка, как эти закономерности осваиваются агентами и влияют на их поведение. В результате выявленные закономерности перестают выполняться» (*Полтерович*, 2011. С. 103).

⁶ «Причина в том, что экономическая теория имеет дело с широкими взаимодействиями людей, где чисто экономические отношения – только часть этих взаимодействий. Все находится в постоянном изменении. Поэтому экономическая наука должна учитывать эти изменения. К сожалению, она отстает» («The matter that economics deals with, the broadly defined mutual relationships people enter as part of economic, is in constant change. Therefore, economics must keep up with those changes. Unfortunately, it lags behind» (*Kolodko*, 2014, XI)).

⁷ «Экономическая теория сродни политологии, она также сталкивается с конфликтами интересов и идейными противоречиями» («Economics is political through and through, by its very nature, as it is embroiled in conflicts of interests and in clashes of ideas» (*Ibid.* P. 41)); «Есть много парных наборов таких факторов, от таких, как естественные условия (климат и ресурсы) или культурные и институциональные, социальные и политические, технические и технологические, до финансовых и экономических» («There are many drawers in the cabinet containing these factors, from natural conditions (climate and resources) through the cultural and institutional, the social and political, and the technical and technological to the strictly financial and economic» (*Kolodko*, 2011. P. 324)).

⁸ «Я помещаю ее (экономiku) между двумя царицами наук: твердой, точной математикой и мягкой абстрактной философией. Хороший экономист должен знать как вести учет, так и быть способным к чувствам, включить воображение» («I place her [economics] between the two queens of science: the hard, precise mathematics and the soft, abstract philosophy. A good economist must know how to count but he or she should also be able to feel» (*Kolodko*, 2014. P. 3)).

Отказ от опоры исключительно на логические конструкции, стремление максимально приблизить экономическую науку к решению практических задач приводят к распространению точки зрения, в соответствии с которой она должна впитывать в себя результаты различных отраслей знания, т. е. по сути своей носить междисциплинарный, гетерогенный характер. Академик В.М. Полтерович доводит этот тезис до логического предела, выступая за замену самостоятельной экономической теории «общим социальным анализом». Он исходит из того, что «...попытки выделить область собственно экономических явлений приводят к тому, что основные проблемы экономики оказываются неразрешимыми» (Полтерович, 2011. С. 106). Предметом общего социального анализа призвано стать функционирование и развитие общественных институтов в целом. Исследования в его рамках должны опираться на единую базу данных, а общий аналитический аппарат – состоять из методов статистической обработки данных (эконометрики) и теории игр как абстрактной дисциплины, объясняющей формирование норм поведения (Полтерович, 2011. С. 109). Эклектичность такой конструкции отмечает сам автор: «Современный институциональный анализ с его методологической эклектикой мог бы стать удобной площадкой для синтеза» (там же).

Концепция «нового прагматизма» проф. Г. Колодко также исходит из того, что экономическая теория должна быть ориентирована прежде всего на практический результат и опираться на междисциплинарный подход⁹. Особая роль при этом придается ценностной сфере¹⁰. Под этим углом зрения задача экономической теории состоит не только в описании хозяйственной действительности и установлении причинно-следственных связей между наблюдаемыми явлениями и процессами (дескриптивная функция), но и вынесении им ценностной оценки (нормативная составляющая), а на ее основе – формулировании рекомендаций по решению стоящих перед обществом проблем¹¹.

Опираясь на эти методологические принципы, проф. Г. Колодко развивает «многофакторную теорию развития» (the coincidence theory of development). Ее суть заключается в том, что конкретная экономическая ситуация характеризуется уникальной комбинацией определяющих ее характеристик. Любая из таких характеристик в отдельности может проявляться и при иных условиях, но их последствия будут иметь неодинаковый характер из-за различий общего контекста¹². Уникальность каждой ситуации требует, по мнению

⁹ «Она (экономика) должна быть, прежде всего, рациональной и практичной. Это означает, что она должна наилучшим образом служить развитию и прогрессу. Траектория, по которой мы двигаемся, обеспечивает экономический рост с последующим развитием и прогрессом цивилизации» («It [economics] must be, above all, rational and practical, which means that it is meant to best serve development and progress. The trajectory we follow is moving from output growth to social and economic development to civilization progress» (ibid. X)).

¹⁰ «Нет хозяйственной деятельности без целей. Нет задач без оценочных суждений... Однако оценки должны зависеть от времени и места» («There is no economic activity without purposes. There are no purposes without value judgments. [...] However, values change over time and space» (ibid. P. 16)).

¹¹ «У экономики есть две стороны. Одна посвящена описанию феноменов для ответа на вопрос, что зависит от чего и что за механизмы управляют взаимной зависимостью... Вторая (нормативная) состоит в том, чтобы ответить на вопрос, как сделать так, чтобы экономика стала лучше» («Well, there are two faces of economics. The first, descriptive one boils down to answering the question of (describing) what depends on what and what mechanisms govern these interdependencies. [...] the other face emerges immediately, the prescriptive (normative) one which consists in answering the question of what to do and how, to make things better» (ibid. P. 40)).

¹² «В реальных экономических механизмах следствие редко обуславливается одной причиной. Даже если мы выявим такую причину, очевидно, что она действует в определенном окружении, в контексте. Есть и другие факторы, но только некоторые из них мы определяем как причины. Он не могут играть такую же роль в других обстоятельствах. Их комбинация обуславливает общее движение, а не отдельный прецедент» («In real economic mechanisms, an outcome is seldom caused by a single causal factor that precedes it. Even if we identify such a factor, it is clear that it acts in concrete surroundings. There are other factors, as well, but we attribute a causal role to only some of them. They could not play such a role if not for the simultaneous existence of other circumstances. It is the combination of them that brings about the movement, and not a single incident» (Kolodko, 2011. P. 321)).

автора рассматриваемой концепции, отказа от догматизма и связанного с ним стремления построить универсальную теорию развития. Точно так же исследователь должен быть готов к применению тех инструментов экономического анализа, которые в наилучшей степени соответствуют природе изучаемого объекта, не обращая внимания на то, какой школой экономической мысли соответствующий инструмент был разработан. Наконец, особое значение проф. Г. Колодко придает применению сравнительных методов экономического анализа (Kolodko, 2011. Рр. 324–325).

3. Кризис экономической теории с ортодоксальных позиций

Строго говоря, неортодоксальный («гетеродоксный») подход к построению экономической теории логически неизбежно ведет к полному отказу от нее. Обобщенная характеристика закономерностей поведения определенного класса объектов заменяется изучением поведения конкретного объекта в конкретных обстоятельствах. Экономическая наука при таком подходе не может не распасться на бесчисленное количество так называемых частных случаев (case studies), охватывающих самые различные сферы социума и изучаемых с использованием разнородных инструментов исследования. Экономическая наука как двухступенчатая конструкция, элементами которой являются общая теория и ее приложения (или, другими словами, фундаментальная и прикладная наука), уходит в небытие; на ее месте появляется наука, лишенная фундаментальной компоненты¹³. Отмечу также, что одним из результатов перехода к такой науке стало бы резкое увеличение издержек, связанных с необходимостью выделения человеческих и материальных ресурсов на исследование, что называется, «с нуля» бесконечного ряда возникающих перед обществом конкретных проблем.

Представителям традиционной экономической науки трудно согласиться и с изложенными выше представлениями об отличии общественных наук в целом и экономической в частности от естественных наук.

Разумеется, нельзя не видеть того, что главная особенность социума как объекта изучения состоит в том, что в его рамках взаимодействуют люди, обладающие сознанием и руководствующиеся в своих действиях собственными интересами. Общественные (в том числе экономические) институты являются продуктом их деятельности. Но вот вывод о том, что в этих условиях нельзя исходить из существования в экономической системе устойчивых закономерностей, поддающихся научному обобщению, убедительным не представляется.

Хорошо известна сложность современной экономической системы, буквально пронизанной огромным количеством взаимозависимостей между экономическими агентами, действующими в значительной степени независимо друг от друга. Тем важнее то обстоятельство, что, несмотря на это, рыночная экономика отнюдь не идет «вразнос», а демонстрирует способность обеспечивать более или менее упорядоченное развитие. Это само по себе дает веское основание для предположения о существовании объективно действующих сил (закономерностей), направляющих энергию самостоятельных участников хозяйственной жизни в конструктивное русло. Можно предположить, что наличие устойчивых закономерностей в экономической сфере связано с тем, что различным людям свойственны однородные устремления, возможности реализации которых наталкиваются на однотипные ограничения. Как бы то ни было, общая экономическая теория насчитывает уже, по

¹³ Сторонники идеи о «гетеродоксном» характере экономической науки допускают использование в анализе отдельных конструкций, заимствованных из традиционной (фундаментальной) экономической теории. Но при этом они проявляют известную непоследовательность: ведь эти конструкции были получены на основе отвергаемого ими подхода.

меньшей мере, четырехсотлетнюю историю, в ходе которой многочисленным исследователям удалось добыть немало очень полезных и получивших практическое подтверждение сведений о том, как функционирует рыночная экономика.

Не представляется убедительным и приводившийся выше тезис, в соответствии с которым самостоятельная экономическая теория не имеет права на существование, поскольку хозяйственные решения по своей природе включают в себя ценностные, а во многих случаях – и политические аспекты. Слов нет, социум представляет собой сложный объект, обладающий политическими, экономическими, культурными измерениями. Но и предметом чистой экономической теории является не изолированная сфера социума, а он в целом, правда, рассматриваемый под особым углом зрения.

Но если экономическая теория – это взгляд на социум с экономической точки зрения, то она не может полностью абстрагироваться от явлений, которые являются главным предметом исследования для других дисциплин. Эта теория должна включить их в свой состав либо аксиоматически, либо даже сделать исследование природы некоторых из них своей непосредственной задачей. Гипотезы об особенностях человеческих предпочтений, соответствующих концепции «экономического человека» А. Смита, являются примером аксиоматического введения в экономический анализ ценностного содержания. О проблеме группового выбора, непосредственно соотносящейся с изучением действующих в обществе политических механизмов и имеющей огромное значение для экономической теории, речь еще пойдет ниже. Здесь же отметим, что в этом случае предмет исследований экономической и политической науки фактически совпадает.

Ортодоксальное представление о том, что экономическая теория является методологической основой для конкретных исследований, может, конечно, использоваться (и подчас в явной или неявной форме используется) для того, чтобы вообще отрицать переживаемый ею кризис. Ведь, в конце концов, вызовы, с которыми сталкивается человечество, могут быть связаны с неудовлетворительностью прикладных, а не фундаментальных исследований. Однако анализ состояния общей экономической теории, как мне кажется, заставляет сделать вывод, что ее кризис налицо.

Важнейшим свидетельством этого является как раз гетерогенный характер современной экономической теории. Дело в том, что наряду с так называемым «основным направлением» («мэйнстримом») и конкретизирующими его разделами – пространственной экономикой (*spatial economics*), промышленной экономикой (*industrial economics*), экономикой труда (*labour economics*), международной экономикой (*international economics*), информационной экономикой (*informational economics*) – в рамках экономической теории сформировался целый ряд течений, по иному трактующих базовые проблемы и опирающихся на отличные методологические принципы. Среди них: новая институциональная экономика (*new institutional economics*); экономика развития (*development economics*); эволюционная экономика (*evolutionary economics*); экологическая экономика (*ecological economics*); физическая экономика (*physical economics*). Конечно, выход экономической теории за рамки «мэйнстрима» – результат неспособности последнего подсказать подходы к решению многих из поставленных жизнью вопросов. Но, каковы бы не были причины, результатом является распадение единой теории на отдельные, плохо связанные друг с другом «кусочки».

В осмыслении нуждается сам факт распада экономической теории на две науки – микро- и макроэкономику. Может показаться, что они лишь поделили между собой поле экономических исследований – микроэкономика имеет дело с отношениями отдельных хозяйствующих субъектов (как индивидуальных, так и групповых), а макроэкономика – с функционированием экономики в целом. Если бы дело сводилось к ракурсу исследования, то их следовало бы рассматривать, как это обычно и делается, в качестве двух разделов единой экономической теории. Принципиально важным является, однако, то, что микро-

и макроэкономика в их «чистом», классическом виде опираются на разные методологические основы, а потому и представляют собой именно две различных науки¹⁴.

Микроэкономическая теория исключает межличностное сравнение полезностей, а потому рассматривает как бессмысленное суммирование индивидуальных доходов для характеристики благосостояния группы. Между тем в макроэкономике валовой внутренний продукт (доход) рассматривается как ключевой показатель экономического развития страны. Бессмысленным, с точки зрения микроэкономики, является и такой макроэкономический показатель, как общий уровень цен. Для микроэкономики существует лишь вектор цен, и это связано с тем, что средний их уровень не может быть однозначно определен: ведь он зависит от структуры того набора товаров, в отношении которого рассчитывается. Точно так же отсутствуют основания для введения в анализ производственной функции экономики в целом, обобщающей множество производственных функций, каждая из которых характеризует совокупность технически эффективных технологий производства в конкретных областях деятельности. Между тем, именно такая агрегированная производственная функция лежит в основе современных теорий экономического роста.

Первой и основной особенностью классической макроэкономики является то, что она как бы «сплющивает» в простое скалярное представление сложную «векторную реальность». Правда, в последние десятилетия ведется большая работа по подведению микроэкономических основ под макроэкономическую науку¹⁵. Представляется, однако, что до тех пор, пока проблематика экономического роста остается одной из ее центральных задач, методологическая несовместимость двух экономических теорий будет сохраняться. В случае же замены проблематики экономического роста, ориентированной на динамику одного агрегированного показателя, проблематикой экономического развития, нацеленной на векторное восприятие экономического прогресса, исчезнет преимущество классической макроэкономики, состоящее в приспособленности ее моделей к практическому применению.

Вторая особенность классической макроэкономики состоит в том, что в ней присутствуют элементы как чистой, так и реалистической науки. В самом деле, до определенного момента «скалярная макроэкономика» строится на аксиоматической основе с опорой на дедуктивный метод исследования, и в этом смысле она отвечает требованиям, предъявляемым к общей теории. Построенные таким образом макроэкономические модели, однако, в большинстве случаев не могут быть непосредственно применены на практике без дополнительных допущений. В одних случаях эти допущения касаются характера реакции экономических агентов на изменение макроэкономических параметров (к примеру, чувствительность величины инвестиций к изменениям процентной ставки), в других – особенностей их (агентов) ожиданий в отношении будущего развития экономической ситуации. Соответствующие гипотезы принято формулировать, опираясь на анализ имеющегося опыта, и именно в силу этого эконометрические исследования стали неотъемлемой частью современной макроэкономики. Но проблема заключается в том, что нередко в различные периоды времени эконометрический анализ одних и тех же зависимостей дает разные результаты. И это, как мне кажется, связано с тем, что социальная сфера в отличие от

¹⁴ Не случайно в 1967 г. К. Эрроу охарактеризовал существовавший тогда разрыв между микро- и макроэкономикой как «крупный скандал» («major scandal») (Arrow, 1967). По свидетельству Д. Катцнера, которое он делает со ссылкой на П. Самуэльсона (Samuelson, 1980. P. 356), «всегда есть чувство, что механизм агрегации приводит к тому, что агрегат представляет собой просто сумму своих частей» («there have always seems to have been a feeling that, in light of the possibilities of aggregation, the whole should somehow equal the “sum” of its parts») (Katzner, 2006. P. 380)). О значении последующей разработки микроэкономических основ макроэкономики будет сказано ниже.

¹⁵ О ее результатах, см., например, шестую главу работы (Romer, 2001).

материальной объективно включает в себя «зону неопределенности», уходящую корнями в то упоминавшееся выше обстоятельство, что люди, адаптируясь к окружающей среде, изменяют ее¹⁶.

Как бы то ни было, макроэкономика стала занимать промежуточное место между «реалистическими» и «чистыми» науками¹⁷. И в этом отношении две экономические теории – микро- и макроэкономики – также оказались отличными друг от друга.

Еще одним проявлением кризиса экономической теории, имеющим отношение и к макро- и к микроэкономике, стали сложнейшие концептуальные проблемы, выявившиеся при более тщательном рассмотрении процесса принятия решений групповыми хозяйствующими субъектами. Долгое время экономисты полагали, что социальный выбор мало чем отличается от индивидуального, поскольку, казалось бы, в обоих случаях задача состоит в максимизации степени удовлетворения потребностей в условиях заданных предпочтений и ресурсных ограничений принимающего решение субъекта. Но К. Эрроу в знаменитой «теореме о возможности» (*Arrow*, 1963) показал, что не может существовать не основанное на диктате правило социального выбора, обеспечивающее переход от индивидуальных предпочтений членов группы к предпочтениям группы в целом. И стало ясно, что группу нельзя рассматривать в качестве носителя системы предпочтений¹⁸.

Такой вывод сделал неопределенным само понятие социально-экономического прогресса, а также лишил однозначного содержания такие сопутствующие ему понятия, как групповой интерес и социальные приоритеты (*Некипелов*, 2006. С. 234–235). Несложно представить себе, сколь неблагоприятны последствия такого развития событий для выработки научно-обоснованной реакции социума на стоящие перед ним вызовы.

Некорректность считавшегося очевидным решения проблемы группового выбора нанесла мощный удар и по микроэкономической теории. Он пришелся на такую фундаментальную микроэкономическую конструкцию, как теория потребительского спроса (там же. С. 324). Последняя, как известно, вытекает из модели потребительского выбора, в рамках которой субъектом, принимающим решения, является индивид, система предпочтений которого отвечает определенным аксиоматически заданным свойствам. На деле, как известно, такие решения принимают не только отдельные личности, но и их особые группы – домашние хозяйства. Если же этот коллективный экономический агент лишен системы собственных предпочтений, то «подвисает в воздухе» и вопрос о происхождении его функции спроса, а вслед за этим рушится и выстроенная с таким изяществом концепция равновесия на товарных рынках.

Ситуация усугубляется тем, что проблемы микроэкономической теории, которая в наибольшей степени подходит под определение чистой экономической теории, не ограничиваются трудностями с выведением функции спроса домашнего хозяйства. Академик

¹⁶ Под этим углом зрения можно рассматривать и существование различных течений в макроэкономике: каждое из них, в сущности, абсолютизирует один из частных случаев, находящихся в зоне неопределенности. Именно поэтому то одно, то другое из них входит в моду, но никогда не удается определить единственно верный подход. Стоит ли удивляться, что современные макроэкономические теории нередко становятся объектом острой и справедливой критики? (См. например: (*Galbraith*, 2014).)

¹⁷ См. сноску 2.

¹⁸ Другая проблема касается определения ресурсных возможностей группы. Дело в том, что применение в чистом виде того же подхода к интересам группы, что и к индивидуальным интересам, требовало бы исходить из того, что собственность членов группы является ее собственностью. Если же допустить возможность самостоятельного принятия каждым членом группы решения в отношении того, какие средства он готов передать в ее распоряжение, то мы неизбежно наталкиваемся на необходимость дать объяснение, каким образом члены группы договариваются о величине таких вкладов. Тем самым нарушается внутренняя непротиворечивость подхода: для объяснения механизма принятия решений группой приходится «перескочить» через проблему принятия решения о величине средств, выделяемых для функционирования группы ее членами.

В. Полтерович обращает внимание на теорему Зонненшайна – Мантеля – Дебре¹⁹, из которой, по его словам, следует, «что общая модель экономического равновесия без серьезных дополнительных условий почти ничего не может сказать о реальном мире» (Полтерович, 2011. С. 101).

Но наиболее серьезное проявление кризиса микроэкономической теории состоит, с моей точки зрения, в том, что предметом ее исследования является исключительно функционирование институтов современной рыночной экономики при полном игнорировании механизмов их формирования и развития. Такой «неисторизм» делает экономическую теорию в ее нынешнем виде практически неприменимой к анализу иных в институциональном отношении хозяйственных систем. И, что еще важнее, он исключает восприятие самой рыночной экономики как развивающейся системы. Стоит ли в связи с этим удивляться существованию точки зрения, в соответствии с которой теоретические представления обречены на отставание от быстро развивающихся экономических институтов?

Концентрация внимания на анализе одних только функциональных зависимостей и связанное с этим отношение к экономической теории как описательной науке создает также серьезные проблемы методологического характера. Оказывается, что при таком подходе исследователь неизбежно попадает в круги тавтологических рассуждений, когда ему приходится объяснять одни неизвестные явления через другие. В самом деле, изложение микроэкономической теории обычно начинается с теории потребительского выбора. Последняя ставит своей целью сформулировать ответ на следующий вопрос: каким образом при заданных предпочтениях, ценах и номинальном денежном доходе потребитель выбирает набор благ, максимизирующий степень удовлетворения его потребностей? При этом полностью игнорируется то обстоятельство, что природа цен и денежных доходов еще не были выяснены. Та же история повторяется при переходе к анализу теории фирмы. Здесь задача состоит в нахождении масштаба выпуска, максимизирующего экономическую прибыль. Вновь приходится определять издержки через «не выведенные» цены, т. е. впадать в очевидную тавтологию. Понятие альтернативных издержек примененного капитала, используемое для решения задачи, в свою очередь, «контрабандным» образом вводит в анализ процентную ставку, о которой прежде не было сказано ни слова.

4. Возможные направления формирования новой парадигмы

Кризис экономической теории является проявлением ее развития, а не упадка. Любая наука нацелена на то, чтобы дать целостное, внутренне непротиворечивое понимание своего объекта. Время от времени благодаря непрерывно ведущимся исследованиям многих ученых такого состояния удается достичь²⁰. Разумеется, исследования на этом не останавливаются. До определенного момента они ведутся в рамках возникшей парадигмы, обогащая и подкрепляя ее. Однако рано или поздно ученые наталкиваются на такие особенности объекта, которые невозможно исчерпывающим образом объяснить, оставаясь в рамках сложившихся научных представлений. Новые факты требуют объяснений (а иногда и действий), и ученым не остается ничего другого, как предлагать их, выходя за пределы устоявшегося мировоззрения. Научная картина становится все более «пестрой», гетерогенной, начинает терять целостность. И чем дальше заходит этот процесс, тем более актуальной становится задача формирования обновленной парадигмы, призванной вос-

¹⁹ Из теоремы вытекает возможность наличия у рыночной системы многих состояний общего равновесия, причем отнюдь не обязательно, что они характеризуются даже свойством локальной уникальности.

²⁰ Так, было, например, в экономической теории времен А. Маршалла, казалось бы, исчерпывающим образом обосновавшей действие механизмов саморегулирования в рыночном хозяйстве.

создать целостность научной теории с учетом всей известной совокупности фактов. При этом прежние научные знания не отбрасываются, а включаются в новую совокупность научных представлений в «переработанном виде».

Чтобы не быть голословным, рискну представить некоторые соображения в отношении возможных направлений преодоления кризиса, переживаемого современной экономической теорией.

Целостное представление об экономической системе предполагает внесение упорядоченности в ее уже известные структурные элементы, выявление их взаимосвязей и соподчиненностей друг с другом. В связи со сложностью объекта исследования решить эту задачу можно лишь на основе применения метода абстракции, движения мысли исследователя от простого к сложному. Иными словами, абсолютно нереалистичным было бы ставить задачу сразу же охватить весь объект исследования со всеми его многообразными структурными элементами и взаимозависимостями.

Перспектива построить на основе дедуктивного метода экономическую теорию, отталкиваясь от некоей чрезвычайно упрощенной модели и ряда исходных гипотез (аксиом) в отношении человеческого поведения, представляется весьма заманчивой. Ведь такая теория, в идеале, отражала бы как функциональные связи, проявляющиеся «на поверхности явлений», так и логическую соподчиненность институтов, характеризующих экономическую систему. Одновременно открывалась бы возможность лучше понять и «логическую историю» становления хозяйственного устройства, и возможные направления его дальнейшего развития.

При таком подходе ключевое значение приобретает вопрос об исходном пункте исследования²¹. Автором была предпринята попытка (Некипелов, 2006) использовать в этих целях простейшую модель, описывающую особенности принятия решений о производстве и отдыхе изолированным индивидом. В экономической науке она имеет не только давнюю историю, но и собственное название – «модель робинзонады» (Crusoe model). Она весьма широко применяется для анализа отдельных проблем в наиболее простом виде. Однако мне неизвестны случаи, когда подробный анализ этой модели рассматривался бы как первая ступенька на пути построения целостной экономической теории.

Выход на этой стадии исследования за рамки меновой экономики позволяет взглянуть на проблему взаимодействия полезности и издержек в очищенном от «денежных наслоений» виде. На этой основе в дальнейшем оказывается возможным выявить силы, которые толкают индивидуальных производителей к установлению отношений обмена и развитию общественного разделения труда. Колоссальные транзакционные издержки натурального обмена позволяют естественным образом объяснить появление института денег как средства, ведущего к их кардинальному снижению. И только после этого совершается переход к модели простого товарного обращения, которую К. Маркс рассматривал как исходный пункт анализа.

Исследование функций денег и микроэкономических особенностей модели простого товарного обращения делает возможным ввести важнейшие категории рыночной экономики – цену, доход, процентную ставку, природную ренту, денежные издержки, определить функции спроса на потребительские блага и производственные ресурсы, функцию

²¹ Как известно, К. Маркс в «Капитале» в качестве такой «исходной клеточки» рассматривал товар, анализ которого он проводил на фоне так называемой «модели простого товарного обращения». Последняя представляет собой систему связанных разделением труда независимых товаропроизводителей, обменивающихся между собой продукцией, принадлежащей им на праве частной собственности. Но тогда оказывается, что исходная модель, с которой К. Маркс начинает анализ, недостаточно абстрактна. В самом деле, введенными в исследование аксиоматическим образом, а не выведенными из него, оказываются такие важнейшие категории, как частная собственность, общественное разделение труда и обмен.

предложения индивидуальных производителей, условия общего равновесия и равновесия на товарных рынках.

Возникновение института фирмы становится результатом появления на определенном этапе возможности существенно повысить эффективность хозяйственной деятельности за счет создания крупных производственных систем, основанных на совместном труде многих работников. Формирование в рамках фирмы «совокупного работника» реализуется благодаря превращению рабочей силы в товар и связанному с этим появлению института наемного труда. Вовлечение в хозяйственный оборот последнего из факторов производства – рабочей силы – означает, что рыночная экономика приобретает всеобщий характер, а система простого товарного обращения трансформируется в капиталистическую рыночную экономику.

Последовательное применение этого подхода позволяет, в конечном счете, сформировать целостное представление о возникновении и функционировании основных институтов современной рыночной экономики. Но, помимо этого, становится ясным, что рынок сам по себе является инструментом социального выбора. Причем, речь идет о таком выборе, который базируется не на существовании у социума собственной системы предпочтений, а на согласовании интересов всех акторов, действующих в рамках организованной соответствующим образом хозяйственной системы²². Гармонизация интересов находит в рыночной экономике свое проявление в достижении общего равновесия. Это состояние, как известно, является Парето-эффективным: из него нельзя перейти к другому, не ухудшив положения хотя бы одного из членов социума.

Таким образом, на место представления о способности группы самостоятельно ранжировать различные состояния «окружающего мира» приходит взгляд на общественный выбор как своеобразную точку, в которой «перекрещиваются» индивидуальные интересы. При этом согласование обязательно происходит в рамках определенной институциональной среды. Применительно к рыночной экономике такую среду обеспечивает признание членами общества права частной собственности и обязательности выполнения субъектами экономических отношений взятых на себя обязательств.

И вот здесь возникает любопытная, с логической точки зрения, ситуация. Оказывается, что модель согласования интересов, в сущности, базируется на тавтологии: для того, чтобы иметь возможность согласовывать свои индивидуальные интересы, члены группы должны предварительно договориться о том, как они это будут делать. Естественно, также, что сама «точка» согласования интересов не является единственной: при разных алгоритмах принятия решений (в разных институциональных средах) результат может быть различным.

Казалось бы, этих обстоятельств вполне достаточно, чтобы привести в замешательство сторонников такой интерпретации проблемы социального выбора. Но, как выясняется, тавтологичность логической конструкции может быть не только недостатком, но и достоинством. С практической точки зрения это подтверждается тем, что учреждение многих организаций начинается с принятия уставных документов, как раз и определяющих порядок принятия совместных решений. В теоретическом плане важно следующее. Неоднозначность точки согласования индивидуальных интересов позволяет дать логичное объяснение причинам нередко встречающихся корректировок, вносимых членами групп

²² К. Эрроу также рассматривал рынок как инструмент социального выбора. Он писал: «В условиях капиталистической демократии существует два основных способа коллективного выбора: голосование, обычно используемое для принятия политических решений, и рыночный механизм, обычно используемый для принятия экономических решений» («In a capitalist democracy there are essentially two methods by which social choices can be made: voting typically used to make “political” decisions, and market mechanism, typically used to make “economic” decisions» (Arrow, 1963. P. 1)). Однако он специально не акцентировал внимание на том, что представляемый рынком тип группового выбора сопровождается не ранжированием различных состояний социума, а согласованием интересов субъектов рыночных отношений.

в правила принятия ими общих решений. «Зыбкость» элементов, на которых базируется концепция согласования интересов, является проявлением той самой «зоны неопределенности» в экономической теории, о которой речь шла выше применительно к классической макроэкономике. Одновременно эта «зыбкость» дает возможность лучше понять причины как появления групп на свет, так и их распада и исчезновения.

Важно иметь в виду, что рынок в состоянии выявлять и согласовывать только часть человеческих предпочтений, а именно тех, которые характерны для «экономического человека» А. Смита. Но «экономическая ДНК» человека не обрывается там, где заканчивается сфера интересов «рыночного человека». В систему предпочтений каждого индивида входит и отношение к таким характеристикам «окружающего мира», которые не связаны с уровнем его благосостояния, понимаемого в узком смысле. Каждого из нас в той или иной степени интересует благосостояние окружающих нас людей, гармоничность отношений в обществе, состояние окружающей среды. И то, что рынок «не видит» эту часть индивидуальных предпочтений, означает лишь одно: механизм рыночного согласования интересов неизбежно должен быть дополнен иными инструментами.

Само наличие не выявляемых рынком индивидуальных предпочтений означает, что согласованное представление граждан любой страны о экономическом оптимуме в общем случае не совпадает с рыночным оптимумом, причем масштаб расхождения прямо зависит от того, какое место в системе предпочтений членов социума занимают нерыночные, ценностные компоненты. Этот разрыв так или иначе «закрывается» деятельностью государства (ведь эта деятельность нигде не сводится только к тому, чтобы обеспечить защиту прав собственности и соблюдение условий заключенных сделок), а также различных институтов гражданского общества. Именно поэтому меры экономической политики, используемые для коррекции действия рыночного механизма, неверно трактовать как «вмешательство» государства в (объективные) рыночные процессы по политическим (вроде бы субъективным) соображениям²³.

Изложенный подход к определению социального оптимума позволяет иначе, чем это делает классическая макроэкономика, подойти к вопросу о функционировании и развитии рыночной экономики в целом. Речь не идет о том, чтобы вообще отказаться от использования в рамках чистой экономической теории агрегированных денежных величин – совокупных предложения, спроса, доходов. Отличие в ином: эти категории не могут здесь рассматриваться в отрыве от стоящих за ними векторов произведенной и потребленной продукции, доходов, определяющих оптимальную, с точки зрения общества, структуру экономики (как в статике, так и в динамике). Иными словами, в рамках чистой теории (и только в них) на место скалярной макроэкономике, по всей видимости, должна прийти макроэкономика векторная, задача которой состоит в том, «чтобы показать анатомию финансовых потоков в экономике (формирование основных элементов совокупного спроса и доходов) во взаимосвязи со складывающимися векторами валового и конечного продукта, вектором доходов членов общества, вектором цен, уровнем процентной ставки» (Некипелов, 2006. С. 301). При этом, с позиции векторной макроэкономике, оптимальным будет такое состояние социума (или последовательные его состояния при рассмотрении вопроса в динамике), которое (которые) в институциональных рамках, признаваемых легитимными, обеспечивает (обеспечивают) гармонизацию интересов членов общества. Установка классической макроэкономике на «экономический рост» замещается здесь ориентацией на «экономическое развитие», имеющее многомерную природу.

²³ Как следует из цитаты, приведенной в сноске 22, К. Эрроу уже в конце 50-х гг. XX в. полностью осознал это обстоятельство. Не случайно, он берет в кавычки определения «политические» и «экономические» при характеристике механизмов социального выбора, основанных, соответственно, на голосовании и действии рыночных сил.

Процесс согласования интересов, как это следует из действия рыночного механизма, выводит экономику на границу производственных возможностей. Но в любую точку этой границы можно попасть и отталкиваясь от модели, в которой общество рассматривается как собственник всех имеющихся ресурсов (включая рабочую силу своих членов) и носитель самостоятельных предпочтений, не зависящих от предпочтений составляющих его индивидов. При заданных ресурсах конкретные особенности таких «холистских предпочтений»²⁴ будут определяться конкретной точкой границы производственных возможностей, в которой оказывается экономика в результате действующего алгоритма согласования интересов. Инструментальная важность такого «холистского эквивалента» точки согласования индивидуальных интересов заключается в том, что с его помощью можно, по всей видимости, построить условную функцию спроса группы в целом.

И, наконец, о значении математической науки для чистой экономической теории.

Тот факт, что математический инструментарий играет и будет играть колоссальную роль в этой области, сомнений не вызывает. Но означает ли это, что математическим средствам подвластно решение любых возникающих здесь проблем? Можно ли исходить из того, что язык математических формул способен полностью вытеснить обычные вербальные конструкции при описании закономерностей функционирования экономической системы? Не превратится ли в связи с этим экономическая теория в одну из прикладных математических наук?

Представляется, что ответы на все эти вопросы должны быть отрицательными по той причине, что задачи экономической теории, как было показано выше, выходят далеко за рамки выявления количественных взаимосвязей между различными экономическими переменными. К примеру, математические методы позволяют выявить количественные последствия (в частности, оптимальные величины применяемых факторов производства) установки фирмы на максимизацию того или иного показателя (экономической прибыли, нормы прибыли), однако сам характер ее мотивации может быть задан лишь на основе рассуждений качественного характера.

В то же время роль математического моделирования не должна ограничиваться определением частных взаимозависимостей между отдельными экономическими переменными. В идеале, следующим шагом за построением целостной экономической теории может стать разработка и последующее совершенствование программного комплекса, который в максимально возможной степени интегрировал бы количественные связи между различными элементами экономической системы, выявленные на основе ее содержательного анализа. По сути дела, речь идет о создании своеобразного «виртуального экономического робота», позволяющего проверять те или иные гипотезы, оценивать возможные последствия тех или иных изменений в параметрах виртуальной экономики, прогнозировать действенность тех или иных вариантов экономической политики. При этом сопоставление результатов, получаемых при аналогичных условиях в рамках виртуальной и реальной экономики, давало бы пищу для выводов относительно достоверности лежащих в основе программного комплекса теоретических конструкций.

²⁴ «Холистский подход» исходит из существования самостоятельной системы групповых предпочтений, не зависящей от индивидуальных предпочтений членов группы.

5. Роль «нового прагматизма»

Может показаться парадоксальным, но изложенный подход к чистой экономической теории не отвергает, а подкрепляет научную программу «нового прагматизма». Острие этой программы направлено не против теории как таковой, а против тех многочисленных догматических, не отвечающих реальности представлений, источником которых она сегодня, к сожалению, является. Как пишет проф. Г. Колодко: «Вы не должны позволять себе соблазняться стереотипами, договорной правдой или другими конвенциональными премудростями» («You shouldn't allow yourself to be seduced by stereotypes, consensual truths, or the conventional wisdom» (*Kolodko*, 2011. P. 173)).

Ни при каких обстоятельствах чистая экономическая теория не может обеспечить прямой выход на практические рекомендации, касающиеся путей решения конкретных проблем, с которыми сталкиваются отдельные государства, их интеграционные объединения, глобальная экономика в целом. Нельзя же, в самом деле, представлять дело таким образом, что преодоление кризиса в теории, восстановление ее целостности приведут к тому, что поиск оптимальных решений приобретет рутинный характер и будет происходить в автоматическом режиме на основе информации, вводимой в упомянутый выше модельный комплекс. Попытка создания точной виртуальной копии современной экономики обречена на провал по чисто практическим соображениям: усилия, связанные со сбором и обработкой необходимой для этого информации, превышают любые мыслимые границы. Такой подход нереализуем и в силу существования упомянутой выше «зоны неопределенности», с которой неизбежно сталкивается чистая теория. Представить заранее, когда и каким образом будут изменяться ожидания членов общества, а с ними – и их реакция на изменяющиеся экономические переменные, какие поправки будут вноситься ими в механизмы принятия групповых решений, абсолютно невозможно.

Отсюда следует, что для принятия практических решений альтернативы использованию упрощенных моделей, основанных на агрегированной и, в известном смысле, разнородной информации, просто не существует. Верно и то, что применяемый для этого инструментарий не может не иметь эклектичного характера. В его состав входят и классические макроэкономические модели, и эконометрические разработки, и социологические обследования. Поиск оптимальных решений, несомненно, требует учета культурных и социально-психологических особенностей общества, характера действующих в его рамках политических механизмов. И в этом смысле одна из важнейших идей «нового прагматизма» – успешные прикладные экономические исследования не могут проводиться без учета «неэкономических» факторов, абсолютно справедлива. С учетом «зоны неопределенности», имманентно присущей социальной сфере, рациональным оказывается и тезис о необходимости применения тех макроэкономических теорий, которые в наибольшей степени соответствуют текущим особенностям изучаемого объекта, а следовательно, и отказа от догматического следования выводам, полученным в иной ситуации. Наконец, заслуживает полной поддержки общая установка на перенос центра тяжести с исследования проблем экономического роста на анализ социально-экономического развития, проявляющегося в динамике не одного, а целой системы показателей (*Kolodko*, 2014. X. Pp. 33, 403, 404, 415).

Однако успех исследований, основанных на идеях «нового прагматизма», будет тем больше, чем активнее они будут отталкиваться от фундаментальных выводов общей экономической теории. Последняя, таким образом, призвана задавать «логическую рамку», облегчающую выработку рациональных социально-экономических решений. Проиллюстрирую этот тезис рядом примеров.

Проф. Г. Колодко настойчиво и, на мой взгляд, совершенно справедливо привлекает наше внимание к необходимости при формулировании экономической политики не упускать из поля зрения задачи, стоящие перед обществом, его интересы²⁵. Он подчеркивает важность недопущения чрезмерной дифференциации доходов для гармоничного социально-экономического развития²⁶, выдвигает требования нравственного характера к поведению бизнеса и функционированию экономической системы в целом²⁷. В международной сфере он активно выступает за координацию интересов многочисленных участников процесса глобализации²⁸. Но разве не очевидно, что только глубокая, на абстрактном уровне, проработка проблематики экономических интересов и социального выбора способна придать необходимую фундаментальность этим рекомендациям?

Общий вывод из представленных в настоящей статье рассуждений сводится к следующему.

Потенциал «нового прагматизма» проф. Г. Колодко, несомненно, должен быть востребован сегодня, когда экономическая теория находится в состоянии кризиса. Но у меня нет сомнений в том, что у него есть все шансы быть востребованным и завтра, когда совместными усилиями международного экономического сообщества этот кризис удастся

²⁵ «...хорошая экономика – это та, которая служит как прогрессу, так и общественным интересам» («...good economics is one that is in the service of both progress and also the general public interest» (Kolodko, 2014. P. 6)); «Экономика как наука об эффективном распределении ограниченных ресурсов не может упускать из виду цели экономической деятельности. Это цели являются причиной действий, а не существуют независимо от экономики» («Economics as a science of efficient allocation of scarce resources may not overlook the purposes of economic activity. It is the purposes that are at the heart of the matter, not beside it» (ibid. P. 15)); «Государство незаменимо с точки зрения учёта социальных предпочтений и целей общего развития. Крайне важно достичь общего консенсуса, которого требует рыночная экономика» («The state is irreplaceable in terms of reflecting social preferences and formulating development goals. It is vital to forging the social consensus that a market economy requires» (ibid. P. 242)).

²⁶ «Замедление роста неравенства в доходах и ускорение развития бедных стран, а также решение проблемы чрезмерного неравенства в некоторых богатых странах будут отвечать интересам человечества и мировой экономики» («Slowing the growth of the disparity of incomes, and speeding up development in poorer countries, as well as facing the challenge of excessive inequality in certain rich countries, would be in the best interests of humanity and the global economy» (ibid. P. 383)); «Экономический рост является более устойчивым в странах с относительно низким уровнем неравенства. Более того, распределение доходов оказало большее влияние на динамику экономического роста, чем либерализация торговли или качество политических институтов» («Economic growth is more durable in countries with a relatively low degree of income inequality. Furthermore, income relations there had more impact on the dynamics of economic growth than either trade liberalization or the quality of political institutions» (ibid. P. 404)).

²⁷ «Бизнес должен быть прибыльным, законным и не нарушать этику – это три священных принципа нового прагматизма» («Business must be profitable, legal and not unethical – these are the three sacred principles of New Pragmatism» (ibid. P. 419)).

«Себялюбие, жадность и нечестность, даже в небольших масштабах, являются одними из основных причин, по которым экономика не может быть оставлена на произвол судьбы. Необходима политика. Конечно, я говорю о политике как способе решения экономических проблем» («Self-interest, greed and dishonesty, be it on a small scale, are among the fundamental reasons why the economy cannot be left to its own devices. A policy is needed. Of course, I'm talking about policy as a way to solve economic problems» (ibid. P. 32)).

²⁸ «Поскольку глобализация предполагает выживание в ответ на вызовы, которые бросает нам история, необходимо перейти к принципиально новому стандарту функциональности... Глобализация должна стать менее спонтанной и хаотичной, более скоординированной и целенаправленной» («Since globalization is supposed to survive the successive challenges that history throws at us, it must move up to a fundamentally new standard of functionality. [...] Globalization must become less spontaneous and chaotic, and more coordinated and guided» (Kolodko, 2011. P. 107)); «Зрелость глобализации должна рассматриваться с точки зрения ее системной способности скоординировать осуществление экономической политики в глобальном масштабе» («The maturity of globalization should be, principally, viewed from the perspective of its systemic ability to coordinate economic policy on a global scale» (Kolodko, 2014. P. 101)); «Новый прагматизм требует балансировки роли отдельных правительств и координации межгосударственной экономической политики, которая призвана скорректировать или, когда это необходимо, усилить рыночные процессы» («New Pragmatism calls for a well-balanced role of government and an inter-state economic policy coordination, which is meant to correct or, when necessary, to strengthen market processes» (ibid. P. 418)).

преодолеть. Просто тогда «новый прагматизм» будет рассматриваться не как альтернатива чистой экономической теории, а как надежный мост, позволяющий преодолевать «зону неопределенности», лежащую между абстрактной и реальной экономикой.

ЛИТЕРАТУРА

- Некипелов А. (2006). Становление и функционирование экономических институтов. От «робинзонады» до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве. М.: Экономист.
- Полтерович В. (1998). Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. №1. С. 46–66.
- Полтерович В. (2011). Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность. №2. С. 101–111.
- Arrow K. (1963). *Social Choice and Individual Values*. Second edition. New York, London: John Wiley & Sons, Inc.
- Arrow K. (1967). Samuelson Collected // *Journal of Political Economy*. Vol. 75. Pp. 730–737.
- Galbraith James K. (2014). *The End of Normal*. New York, London: Simon & Schuster.
- Katzner D.W. (2006). *An Introduction to the Economic Theory of Market Behavior. Microeconomics from a Walrasian Perspective*. Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA.
- Kolodko G.W. (2011). *Truth, Errors, and Lies. Politics and Economics in a Volatile World*. New York: Columbia University Press.
- Kolodko G.W. (2014). *Whither the World: The Political Economy of the Future*. L.: Palgrave Macmillan.
- Lucas R. (2003). *Macroeconomic Priorities* // *American Economic Review*. Vol. 93. No. 1. Pp. 1–14.
- Pigou Arthur C. (1932). *The Economics of Welfare*. London: Macmillan and Co. Fourth edition.
- Romer D. (2001). *Advanced Macroeconomics*. Second edition. McGraw-Hill Companies, Inc.
- Samuelson P.A. (1980). *Economics*. 11-th ed. New York: McGraw Hill.

Некипелов Александр Дмитриевич

istina.msu.ru/profile/NekipelovAlex

Alexander Nekipelov

academician of the Russian Academy of sciences, Director of the Moscow School of Economics, Moscow State University
istina.msu.ru/profile/NekipelovAlex

«NEW PRAGMATISM» OF PROFESSOR G. KOLODKO: ALTERNATIVE OR ADDITION TO PURE ECONOMIC THEORY?

Abstract. The paper is aimed at finding the right answer to the following question: is a concept of «new pragmatism» by prof. G. Kolodko an alternative of or a complement to general economic theory? The author's position is that the positive potential of the «new pragmatism» consists in its practical utility for the analysis on an interdisciplinary basis of different situations, which can emerge both in national economies and world economy. But this concept should not be regarded as a substitute for general economic theory because «new pragmatism» can be efficient only when it takes advantage of the basic tenets of the theory.

Key words: *crisis of general economic theory, microeconomics, macroeconomics, heterodoxia, methodology.*

JEL Classification: A11, A12, B21, B22, B59.

REFERENCES

- Arrow K. (1963). *Social Choice and Individual Values*. Second edition. New York, London: John Wiley & Sons, Inc.
- Arrow K. (1967). Samuelson Collected // *Journal of Political Economy*. Vol. 75. Pp. 730–737.
- Galbraith James K. (2014). *The End of Normal*. New York, London: Simon & Schuster.
- Katzner D.W. (2006). *An Introduction to the Economic Theory of Market Behavior. Microeconomics from a Walrasian Perspective*. Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA.
- Kolodko G.W. (2011). *Truth, Errors, and Lies. Politics and Economics in a Volatile World*. New York: Columbia University Press.
- Kolodko G.W. (2014). *Whither the World: The Political Economy of the Future*. L.: Palgrave MacMillan.
- Lucas R. (2003). *Macroeconomic Priorities* // *American Economic Review*. Vol. 93. No. 1. Pp. 1–14.
- Nekipelov A. (2006). Formation and functioning of economic institutions. From «Robinsonade» to a market economy based on individual production. М.: Ekonomist.

«Новый прагматизм» профессора г. Колодко: альтернатива или дополнение чистой экономической теории?

Pigou Arthur C. (1932). *The Economics of Welfare*. London: MacMillan and Co. Fourth edition.

Polterovich V. (1998). *The Crisis of Economic Theory* // *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. No. 1. Pp. 46–66.

Polterovich V. (2011). *The Becoming of General Social analysis* // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*. No. 2. Pp. 101–111.

Romer D. (2001). *Advanced Macroeconomics*. Second edition. McGraw-Hill Companies, Inc.

Samuelson P.A. (1980). *Economics*. 11-th ed. New York: McGraw Hill.